

УДК 264-76:330

Фунтусов Е. В.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

ПРОБЛЕМАТИКА ДАРА В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНОГО КАПИТАЛИЗМА

В статье проводится анализ проблематики дара в контексте современного капиталистического производства. В научной литературе его называют когнитивным капитализмом. Его в полной мере уже сложно называть способом производства, поскольку источником прибавочной стоимости здесь является не столько прибавочное время, сколько время, отпущенное на жизнь как таковую. Знания, которые рождаются в межличностных отношениях, выходят на первое место в стоимостной иерархии, поэтому когнитивный капитализм уместно называть производством способов производства. Поэтому осмысление природы эксплуатации при когнитивном капитализме возможно именно в качестве присвоенного дара.

Ключевые слова: дар, знания, эксплуатация, множество.

У статті проводиться аналіз проблематики дару у контексті сучасного капіталістичного виробництва. У науковій літературі його називають когнітивним капіталізмом. Його в повній мірі вже важко називати способом виробництва, оскільки джерелом додаткової вартості тут виступає, власне, не додатковий час, але час, відпущений на життя як таке. Знання, народжені у міжособистісних відносинах, виходять на перше місце в ієрархії вартостей, тому когнітивний капіталізм краще називати виробництвом способів виробництва. Тому осмислення природи експлуатації при когнітивному капіталізмі можливе саме у якості привласненого дару.

Ключові слова: дар, знання, експлуатація, множинність.

In the article the analysis of gift problematics in the context of modern capitalistic production is being held. In the scientific literature it is also called cognitive analysis. It is hard to name it a way of production in the whole sence already, because the source of extra cost is already not actually the extra time, but the time which is allotted for life itself. The knowledge, which is produced in the interpersonal relationship, is in the first place, in the hierarchy of costs, so that it's appropriate to call cognitive capitalism the production of the ways of production. That's why the analysis of nature of exploitation in cognitive capitalism is possible only in the quality of the assigned gift.

Key words: gift, knowledge, exploitation, multitudo.

*Мы сами исключены из истинной собственности, так
как наша собственность исключает другого человека*

Карл Маркс

[6, с. 35]

В своей предыдущей статье мною было выдвинуто предположение о том, что проблематика дара находит свое воплощение в теории прибавочной стоимости Карла Маркса. Как известно, по утверждению Жака Деррида, стихия дара расположена по ту сторону осознания акта дарения. Ни дарящий, ни принимающий дар не могут осознавать самого этого действия. И только тогда можно говорить о даре, в противном случае мы всегда будем иметь обмен (читай экономию), даже если даритель принципиально стремится избежать материальной компенсации или же некоей общественной благодарности. Подобная ситуация дарения возможна лишь в том случае, если сам этот акт уже-ускользнул от участников как некая осознаваемая операция, как будто эта ситуация уже свершилась за спиной еще до того, как о ней вообще стала возможна хоть какая-то мысль. Именно это и обнаруживается в классической трудовой теории стоимости. Именно потому, что необходимое время – величина предельно условная, в самом акте производства невозможно было обнаружить того мгновения, когда бы заканчивалось время необходимое и начиналось время прибавочное. Как бы это парадоксально не казалось, но до тех пор, пока Маркс не описал природу образования стоимости, между пролетарием и капиталистом в буквальном смысле этого слова выстраивались отношения дарения. Не понимая этого, классическая политическая экономия так и не смогла раскрыть тайну образования стоимости, поскольку для нее любые экономические отношения не могут и близко предполагать безвозмездность и выстраиваются исключительно на эквивалентных отношениях. Именно за этой, на первый взгляд, экономической

безвозмездностью, Маркс и увидел историческое преимущество пролетариата. Сама природа его деятельности и есть источник не столько образования стоимости (это уже постфактум), сколько самой возможности эксплуатации, присвоения общественного в форме частного. И открывая эту даровую первичность труда, Маркс, тем самым, по моему убеждению, сделал неоценимый вклад в понимание природы эксплуатации, подготовив почву для перехода локального момента дарения во всеобщее пространство. И сегодня мы с полной уверенностью можем говорить уже не о тенденции, а о практической универсальности эксплуатации, об угнетении капиталом вообще пролетариата вообще.

Об этой реальности на теоретическом уровне уже идут разговоры, особенно радикальную позицию здесь занимают критики так называемого когнитивного капитализма. Среди них Майкл Хардт, Антонио Негри, Паоло Вирно, Карло Верчеллоне, Роберт Курц, Кристиан Марацци, Маурицио Лаццарто и др. По их убеждению, начиная с семидесятых годов, наступает исторический перелом в отношении капитала и труда. Известная трихотомия Маркса, включающая в себя необходимое время, прибавочное время и свободное время, в наиболее развитых экономиках сливаются в единый континуум. На арену выходит а/нематериальный труд. Сама идея наемного рабочего, собственная жизнь которого начинается после работы, еще сохраняется в значительных масштабах. Однако, в трудах многих экономистов, да и не только, эта идея объявляется исторически отжившей. «Оказание услуг, нематериальный труд становятся господствующими видами труда, а материальный труд, напротив, оттесняется на обочину производственного процесса или просто перемещается в страны с более дешевой рабочей силой. И хотя без этого труда по-прежнему не обойдешься, а в количественном отношении он продолжает составлять львиную долю, он тем не менее становится “подчиненным моментом” производственного процесса. Сердцем создания стоимости становится нематериальный труд» [2, с. 13].

Главной характеристикой труда для наемного рабочего выступала внешняя необходимость, сам труд, будучи чуждым, оставался эмоционально безразличным. Понимая свою профессию, рабочий развивал лишь необходимые для этой работы навыки, становясь, тем самым, придатком машины. Развитые экономики этого не приемлют. И естественно, что это неприятие объясняется не этическими категориями, напротив, если бы подобная ситуация приносила больше денег, чем прочая эксплуатация, ситуация никогда бы не изменилась. Поэтому был открыт новый ресурс созидания прибавочной стоимости – это самосозидание рабочим самого себя как личности. Именно это самосозидание и есть источник современной прибыли. Капитал требует уже не части жизни, а самую жизнь, и не в качестве внешней эксплуатации, а именно в качестве самоэксплуатации. «Человек должен вкладывать в свой труд не профессионализм, а всего себя <...>. На место наемного рабочего, получающего зарплату, приходит трудящийся-предприниматель, который сам заботится о своем образовании, повышении квалификации, медицинском страховании и т. д. Возникает «человек-предприятие». Место эксплуатации заступают самоэксплуатация и самосбыт <...>» [2, с. 5-6]. В итоге, главной производственной мощью становятся не станки, не машины, но знания, причем не знания в строго профессиональном смысле, но знания, «приобретаемые в обиходном общении, принадлежащие к повседневной культуре», как говорит Андре Горц. Результат этого общения превосходит сугубо научные открытия. Результат этого общения – это мотивация, это эмоциональное состояние рабочего. Это состояние не прогнозируемо, но его итогом оказываются спонтанные идеи, которые никогда бы не были произведены в лабораторных условиях. Возникает новая атмосфера, атмосфера «креатива», атмосфера «позитива», атмосфера «драйва». Одним словом – атмосфера бесконечного производства новых миров. Поэтому отмечается переход от обществ дисциплинарных к обществам контроля. «В обществах контроля конечная цель состоит уже не в том, чтобы *изымать* (как в обществах суверенитета) или *комбинировать и повышать мощь* (как в обществах дисциплинарных), а в *создании миров*. Обращение капитала отныне подчиняется этому условию. Переворачивая марксово определение, можно сказать: капитализм является не способом производства, но производством способов» [4, с. 169-170]. Здесь, вслед за М. Лаццарто, следует продолжить: «производством способов производства».

Логика производства миров, образов жизни, становится главной живительной силой современного капитала и его служанки – цинической идеологии. Теперь не покупатель ищет товар, – покупатель производится. В системе символических отношений всегда остается

событийный остаток для нового мира, поэтому достаточно создать идею товара и образ того, кто им владеет... и, конечно же, запустить это на рынок. И сегодня, это 60-70 % бюджета передовых компаний, занимающихся производством досуга. Вручение «символических мандатов» олицетворяет мечту всего как бы гуманизированного человечества – все способы проживания жизни равны. Но мы-то знаем, что свинья более равное, чем остальные животные, так и более равными остаются только привилегированные миры. Поэтому «потребление не сводится к акту приобретения и «разрушения» услуги или продукта, как нас учат политэкономия и ее критика, но служит прежде всего знаком принадлежности к некоторому миру, клятвой верности некоторому универсуму» [4, с. 170]. *Отличаюсь! – следовательно, я существую.*

Маурицио Лаццарто отметил то, что сегодня капитал эксплуатирует уже само «<...> социальное производство возможного и его реализацию» [4, с. 183-184]. Очевидно, что сегодня мы имеем колоссальный феномен. Поскольку уже вся жизнь и даже сон рабочего целиком вовлечены в процесс образования стоимости, то вычленив здесь момент прибавочной стоимости попросту невозможно. И именно поэтому уместно говорить, что *сама практика проживания, не труд где-то на кого-то, но сама жизнь рабочего как труд на капитал вообще и есть новая стихия дара*. Интересно отметить тот факт, что историю эксплуатации можно интерпретировать как постепенное смягчение оков творческого потенциала человека вообще. В предисловии ко второму изданию «Восемнадцатого Брюмера Луи Бонапарта» Маркс говорил: «<...> в древнем Риме классовая борьба протекала лишь внутри привилегированного меньшинства, между свободными богачами и свободными бедняками, тогда как огромная производительная масса населения, рабы, служила лишь пассивным пьедесталом для борцов» [5, с. 209]. То есть были эпохи, среди которых и наша, в которых понятие общества еще не достигло тождества с самим собою. Ведь, абстрактно говоря, *в предельный объем понятия общества включен абсолютно каждый индивид*. Следовательно, если мы говорим о включенности в полном смысле этого слова каждого человека, то это реальность для общества без и вне эксплуатации. Критики когнитивного капитализма как раз таки и говорят о том, что уже каждый включен в процесс эксплуатации, что уже нет никого, кто бы мог находиться в стороне от капитала и труда. И все те, кто уже попал в ее клешни, современная левая теория называет множеством. Понятие множества (multitudo) здесь, конечно же, употребляется в том значении, которое ему придали Майкл Хардт и Антонио Негри. Иные значения здесь не рассматриваются. Не рассматриваются уже хотя бы потому, что Хардт и Негри обнаружили этот концепт не в лабораторных условиях, а в самой практике, причем, не столько практики сопротивления капиталу, все это как бы после, сколько в процессе самореволюционизирования капитала за последние полвека, продуктом которого и стало уже не понятие, а реальная коллективность, – множество.

История эксплуатации на сегодняшнем этапе истории достигла своего апогея, сбросив с себя ярмо эксплуатации в различных областях и став реальной универсалией, что и характеризует когнитивный капитализм. Поэтому можно с полной уверенностью говорить о том, что понятие множества, включающее в себя абсолютно всех угнетенных, (в том числе и тех, кто как бы психологически себя к таковым и не причисляет, а это целое поколение информационных и финансовых работников: программисты, брокеры, риэлторы, менеджеры и т. д.) и есть новый субъект дарения. Этот субъект уже не есть некая покалеченная личность, жизнь которого начинается после труда. В современном капитализме на первые места выходят трудоголики. День, ночь, утро и вечер слиты в единый континуум трудового процесса. Сегодня попросту нет необходимости принуждать к труду. Иными словами, происходит присвоение свободного развития личности, современный рабочий – это уже продукт сплетения множества элементов всей культуры в целом. *Такого человека невозможно создать, его можно лишь пустить в свободное плавание самопроизводства*, постоянно присваивая его достижения. Именно это множество во всей своей совокупности и производит общественное благо или позитивные экстерналии. Андре Горц в своей статье дал этому понятию следующее определение. «Позитивные экстерналии – это общепользные результаты человеческого общежития, общения, свободного обмена и спонтанной кооперации большого числа индивидов. Совокупная практическая ценность этих результатов намного превосходит сумму практических ценностей, которые получает каждый индивид от своего вклада» [2, с. 43]. И это понятие превосходит в своем потенциале любое экономическое понятие. Теоретически,

понятие общепольный не может быть включено в экономический словарь. Во-первых, никогда не просчитать, кто сколько сил и времени вкладывает в рост позитивных экстерналий. Целая группа людей сутками работают над каким-нибудь проектом, а случайно брошенная фраза мимо проходящего сантехника может послужить кульминацией всего труда. Поэтому все, от уборщицы до совета директоров, живут одной жизнью, – жизнью компании. Этот способ и называют тойотизмом. Во-вторых, никогда не просчитать, сколько и что необходимо тому или иному рабочему. Поэтому, вот тебе в распоряжение вся твоя жизнь, все твое время, бери, что тебе необходимо. Вот именно здесь и рождается *совокупный дар всех всем*.

Именно об этом и говорит Антонелла Корсани, показывая относительно знаний то, «<...> их ценность возрастает по мере того, как они распространяются и усваиваются другими. Понятие обмена не выражает поэтому в полной мере смысла передачи знаний. Строго говоря, знание не может потребляться, т.к. его “потребление” не деструктивно. Напротив, оно приводит к созданию других знаний, которые могут, в свою очередь, распространяться в большем или меньшем масштабе: обращение становится основным моментом процесса производства» [3, с. 141].

Следует обратить внимание на мысль относительно того, что обмен не выражает в полном смысле передачи знаний. В самом этом слове есть что-то, дышащее необходимостью, нуждой. Есть в нем что-то, что не приемлет подлинное свободное общение. Ведь как, согласно Ж. Деррида, не может быть намека на обмен между Богом и Авраамом, так и, по определению, не может быть никакого намека на обмен между творческой личностью и *general intellect*. Я никогда не знаю, сколько мною было «взято» из некоего архива знаний и, уж тем более, никогда не будет прояснено, сколько мною будет вложено в общее достояние. Именно потому, что общественное благо неделимо чисто теоретически, иначе оно только будет стремиться к тождеству с собою, но таковым не будет, практически же, оно является главным источником капитала. Именно разделение неделимого, его присвоение и локализация, делает общественное благо выразимым в стоимостном отношении. Очень характерными здесь являются слова другого, итальянского исследователя К. Верчеллоне о том, что «<...> можно истолковать текущий процесс глобализации как возобновление обширного процесса первоначального накопления» [1, с. 153]. Начиная от «традиционных методов первичной экспроприации» и до «новых знаний когнитивной экономики» накопление капитала прошло многие формы разделения труда, остановив свое шествие на «когнитивном разделении труда». На этом этапе происходит сжатие общественного блага, которое производится множеством до пределов стоимости, благодаря чему капитал получает очередной ресурс для своего существования.

Вспоминая тезис об эволюции эксплуатации, можно сказать, что эксплуатация есть присвоение дара. Иными словами, при когнитивном капитализме множество одаривает самое себя лишь косвенно, через искривленную траекторию, сначала одаривая паразитов на своем теле, и лишь потом, получает результат своей деятельности в урезанной, фрагментированной форме, то есть форме стоимостной. Дабы иметь возможность общения с собственным результатом собственной деятельности, этот результат необходимо купить. И разве Маркс еще в юности не стремился помыслить общество без этого посредника, без этого бессмысленного элемента в цепи экстерналий, называя это искривление отчуждением. Он учил об обществе, в котором общественное богатство находится в непосредственном, имманентном общении с самим собою. И напротив, подвергал критике то общество, в котором частная собственность на доступ к общественному богатству знает лишь одного субъекта, с которым бы можно было вступить в отношения – иную частную собственность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верчеллоне К. Вопрос о развитии в век когнитивного капитализма / Верчеллоне Карло; [пер. с фр. Е. Собенниковой-Гигаке] // Логос. – М., 2007. – № 4 (61). – С. 144-167.
2. Горц А. Знание, стоимость и капитал. К критике экономии знаний / Горц Андрэ; [пер. с фр. М. Сокольской] // Логос. – М., 2007. – № 4 (61). – С. 5-63.
3. Корсани А. Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме / Корсани Антонелла; [пер. с ит. Л. Фирсовой] // Логос. – М., 2007. – № 4 (61). – С. 123-143.
4. Лаццарто М. Предприятие и неомонадология / Лаццарто Маурицио; [пер. с ит. Л. Фирсовой] // Логос. – М., 2007. – № 4 (61). – С. 168-198.

5. Маркс К. Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 2-х т. / Маркс Карл; [пер. с нем.]. – М.: Госполитиздат, 1948. – Т. 1. – 636 с.
6. Маркс К. Конспект книги Джемса Милля «Основы политической экономии» / Маркс Карл; [пер. с нем.] // Маркс К., Энгельс Ф.: [собр. соч.]. – М.: Госполитиздат, 1974. – Т. 42 – 536 с.